

THE LIBRARY OF CONGRESS

СТАРИННАЯ СКАЗКА

ОБЪ

ИВАНУШКѢ ДУРАЧКѢ,

РАЗСКАЗАННАЯ

МОСКОВСКИМЪ КУПЧИНОЮ

Николаемъ Полевымъ.

Цѣна 30 коп. сереб. продается вездѣ даже и на апраксиномъ дворѣ.

ЛѢТА **1844.**

ВЪ ДРУКАРНѢ МАТВѢЯ ОЛЬХИНА, ВЪ ГОРОДѢ ПЕТЕРБУРГѢ.

СТАРИННАЯ СКАЗКА

ОБЪ

ИВАНУШКѢ ДУРАЧКѢ,

РАЗСКАЗАННАЯ

МОСКОВСКИМЪ КУПЧИНОЮ

Николаемъ Полевымъ.

ЛѢТА 1844.

Въ друкарнѣ Матвѣя Ольхина, въ городѣ Петербургѣ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Апрѣля 18 дня, 1844 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

СКАЗКА

ОБЪ

ИВАНУШКѢ ДУРАЧКѢ.

Послушайте, добрые люди, начинается сказка объ Иванушкѣ Дурачкѣ. Тянется облако по широкому поднебесью, ходитъ вихорь по дремучему лѣсу, а сказка гуляетъ между людьми добрыми. Хитра Русская Сказка. Прибаутокъ у нея, что у красной дѣвицы въ косѣ лентъ разноцвѣтныхъ. Приговорокъ у нея, что у пьяницы праздниковъ: что день, то праздникъ; выпить захотѣлось и праздникъ на дворѣ, а кто празднику радъ, тотъ до свѣта пьянъ, въ обѣдъ

хмѣленъ, вечеромъ опохмѣляется, на завтра отъ головы лечится, а послѣ завтра новаго праздника ждетъ не дождется. А коли ты началъ сказку слушать, такъ все равно, что въ честной бесѣдѣ на почетномъ мѣстѣ сѣлъ: чѣмъ обносятъ, отъ того не отнѣкивайся, держи круговую порядкомъ, пей до дна, а ужь какъ домой добраться, самъ разсуждай. Мы не изъ многаго бьемся, люди добрые — изъ *спасиба*. Не будьте на него скупы, да напередъ и не загадывайте о чемъ мы вамъ станемъ разсказывать. А разскажемъ мы простую сказку объ Иванушкѣ Дурачкѣ, да только не заморскомъ, а съ Русскою дурью, тою дурью, что похитрѣй инаго Нѣмецкаго ума, разуму сестра сведеная, догадкѣ кума, а шуткѣ сватья. Если понялъ, такъ про себя смѣкай, а другому не говори. Вотъ вамъ присказка, а за тѣмъ поклонъ — ступай душа на раздолье, слово на приволье, сказка на разсказъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, за тридевять морей въ тридесятомъ королевствѣ, за Китайскою стѣною, за Солнечными горами, за Эѳіопскою пучиною, на молочномъ морѣ съ кисельными островами, стоялъ городъ, и царствовалъ въ томъ городѣ царь Горохъ съ царицей Морковью. Много было у него мудрыхъ бояръ, богатыхъ князей, сильныхъ могучихъ богатырей, а простаго войска безъ одного сто тысячь человѣкъ. Жили въ томъ городѣ всякіе люди, купцы честные бородатые, и плуты хитрые тороватые, ремесленники Нѣмецкіе, красотки Шведскія, пьяницы Русскіе, а въ слободахъ пригородныхъ мужички крестьяне, землю пахали, хлѣбъ засѣвали, муку мололи, на базаръ возили, а выручку

пропивали. Въ одной изъ слободъ стояла хата старая, а жилъ въ ней старикъ съ тремя сыновьями, Ѳомой, Пахомомъ, да Иваномъ. Хитеръ былъ старикъ, а не только уменъ, да гдѣ-то случись ему быть съ бѣсомъ; поразговорился онъ съ нимъ, подпоилъ его и вывѣдалъ у него многія и великія тайны, и началъ

дѣлать такія чудеса, что сосѣди прозвали его знахаремъ, иные называли колдуномъ, а другіе величали

шутовымъ кумомъ. Чудеса дѣлалъ старикъ великія: сушитъ ли кого зазноба сердечная, поклонись только ему — дастъ корешокъ какой то, и красная дѣвица не отойдетъ отъ тебя; пропажа ли сдѣлалась — поворожитъ на водѣ, бери только ярыжку земскаго, да и ступай по краденое къ вору, какъ по положеное, берегись только, чтобы ярыжка неутащилъ. А болести всякія лечилъ старикъ, какъ рукой снималъ — дастъ какого нибудь заморскаго зелья, а не то просто водой спрыснетъ, либо обдунетъ три раза, и пойдешь здоровый, что встрепаный. Вотъ, какъ ни хитеръ былъ старикъ, а только того не угораздилъ, чтобы дѣти по немъ пошли. Двое-то еще были таки туда и сюда, не то что черезъ чуръ умны, не то что черезъ чуръ плуты, а такъ середка на половина — впередъ не забѣгали, сзади не отставали. И женились они, и дѣтей нажили, и жили, какъ жилось, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Старикъ смотря на нихъ радовался, да и какой отецъ не радуется на дѣтей — хоть дурни, да все своя рубаха къ тѣлу ближе чужой, и холщевая кажется лучше пестрединной. А третій самъ женатъ не былъ, да старикъ объ немъ не заботился, потому что третій сынъ его былъ дурачекъ, простота сердечная, трехъ перечесть не умѣлъ, только пилъ, да ѣлъ, да спалъ, да на печи лежалъ. Такъ что же о такомъ человѣкѣ заботиться — проживетъ лучше умнаго! А впрочемъ Иванъ былъ такой смирный, что водой не замутитъ; попроси опояску, а онъ и кафтанъ отдастъ, возьми рукавицы, такъ онъ и шапкой въ придачу поклонится, за что всѣ Ивана любили, и

Whitehead Sc

звали его Иванушкою Дурачкомъ, а Дурачекъ, оно, конечно, съ родни дураку, но все таки поласковѣе. Жилъ, жилъ нашъ старикъ съ сыновьями, и пришлось ему умирать — хочешь, не хочешь, а ужь такой обычай заведенъ на бѣломъ свѣтѣ: живи, живи, да и умри. И созвалъ къ себѣ старикъ трехъ сыновей своихъ, говоритъ имъ: «Дѣти мои любезные! пришелъ мнѣ часъ смертный, а вы исполните мое завѣщаніе — каждый изъ васъ приходи ко мнѣ на могилу, и проведи ночь со мной, первую ты, Ѳома, вторую ты, Пахомъ, а третью ты, Иванушка Дурачекъ!» Двое старшихъ, какъ люди умные, обѣщали отцу исполнить его слово, а Дурачекъ ничего не обѣщалъ, а только въ головѣ почесалъ. Умеръ старикъ. Похоронили его, поѣли блиновъ и кутьи, запили, и на первую ночь надобно идти къ нему на могилу старшему сыну, Ѳомѣ. Лѣнь ли ему было, страшно ли, или такъ, не знаю, только говоритъ онъ Иванушкѣ Дурачку: «Мнѣ завтра рано вставать, хлѣбъ молотить — поди ты вмѣсто меня на могилу къ отцу.» Ладно, отвѣчалъ Иванушка

Дурачекъ, взялъ въ запасъ краюху хлѣба, пошелъ на могилу, легъ и захрапѣлъ. Вотъ ударило полночь — могила зашевелилась, завылъ вѣтеръ, застонала сова полунощница, свалился камень гробовой, старикъ вышелъ изъ могилы и спрашиваетъ: «Кто здѣсь? — Я, говоритъ Иванушка Дурачекъ. — «Хорошо,» отвѣчалъ старикъ, «сынъ мой любезный, я награжу тебя за то, что меня послушалъ!» — Вотъ и гаркнулъ онъ молодецкимъ голосомъ, свистнулъ богатырскимъ посвистомъ: «Гей ты, Сивка бурка, вѣщій каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой! «И слышитъ Иванушка Дурачокъ, какъ конь бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей у него пламя пышитъ, изъ ушей дымъ столбомъ. Прибѣжалъ, сталъ, какъ вкопаный, говоритъ человѣческимъ голосомъ: «Что тебѣ надобно?» Старикъ въ одно ушко коню влѣзъ, умылся, нарядился, напился, вылѣзъ въ другое ушко, и сталъ такой молодецъ, что ни вздумать, ни сгадать, ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать. «Вотъ,» говоритъ, «сынъ мой любезный, тебѣ конь мой богатырскій, а ты, конь, лошадь добрая, служи ему, какъ мнѣ служилъ!» Едва только успѣлъ слово промолвить, запѣли пѣтухи и старикъ свалился въ могилу. Пришелъ Иванушка Дурачекъ домой, завалился на печку, братъ у него спрашиваетъ: «Что?» Да ничего, говоритъ — всю ночь проспалъ, только проголодался — ѣсть хочется. — На другую ночь надобно идти на отцовскую могилу другому брату, Пахому; подумалъ онъ, подумалъ, говоритъ Иванушкѣ Дурачку: «Мнѣ завтра рано вставать, на торгъ нужно — поди ты вмѣсто меня на могилу къ отцу.» Пожалуй, отвѣчалъ

Иванушка Дурачекъ, взялъ на запасъ пирогъ съ кашей, пошелъ на могилу, и легъ себѣ спать во всю Ивановскую. Вотъ наступила полночь — могила заколебалась, загудѣлъ вихорь, запорхала стая вороновъ, упалъ съ могилы камень гробовой, старикъ вышелъ изъ могилы, спрашиваетъ: «Кто тамъ?» — Я, говоритъ Иванушка Дурачекъ. «Хорошо,» отвѣчалъ старикъ, сынъ мой возлюбленный, не забуду того, что ты меня не ослушался! Вотъ и крикнулъ онъ зычнымъ голосомъ, зашипѣлъ могучимъ посвистомъ: «Гей ты, Сивка бурка, вѣщій каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой! И слышитъ Иванушка Дурачекъ, какъ конь бѣжитъ, земля дрожитъ, въ очахъ огонь горитъ, изъ ушей дымъ столбомъ. Прибѣжалъ, сталъ словно околдованный, говоритъ человѣчьимъ языкомъ: «Что тебѣ надобно?» Старикъ въ одно ушко къ нему влѣзъ, приладился, прихохлился, въ банѣ выпарился, поѣлъ, попилъ, и вылѣзъ въ другое ушко такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни сгадать, ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать. «Вотъ,» молвилъ, «сынъ мой любезный, тебѣ конь мой молодецкій, а ты, конь, лошадь добрая, служи ему, какъ мнѣ служилъ!» Чуть только успѣлъ рѣчь сказать, запѣли пѣтухи и старикъ повалился въ могилу. Прибрелъ Иванушка Дурачекъ, забрался на печку, а братъ у него спрашиваетъ: «Что?» Да, ничего, говоритъ — всю ночь дрыхнулъ, только животъ съ голоду подвело — ѣсть охота! — На третью ночь говорятъ братья Иванушкѣ Дурачку:» Теперь твоя очередь идти къ отцу на могилу. Завѣтъ отцовской исполнить надобно!» — Нешто! — отвѣчалъ Иванушка

Дурачекъ, взялъ назапасъ лепешку, зипунишко накинулъ, приходитъ на могилу — зазвенѣла полуночная година, всполошились вѣдьмы, полетѣли на помелахъ, засвѣтились огоньки блудящіе, мертвецы пус-

тились въ присядку, рухнулъ камень гробовой въ могилу, вышелъ старикъ изъ могилы, спрашиваетъ: «Кто тутъ?»—Я, говоритъ Иванушка Дурачекъ. «Хорошо,» отвѣчалъ старикъ, «сынъ мой послушный, не даромъ исполнялъ ты завѣтъ мой—будетъ тебѣ награда по заслугѣ! Вотъ и возопилъ онъ необычнымъ голосомъ, залился соловьинымъ посвистомъ:» Гей, ты, Сивка бурка, вѣщій каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой! И чудится Иванушкѣ Дурачку, какъ конь бѣжитъ, подъ нимъ земля дрожитъ, очи словно пожаръ горятъ, изъ ушей дымъ клубами валитъ, прибѣжалъ, сталъ, будто въ землю вросъ,

говоритъ человѣческою рѣчью: «Что тебѣ надобно?» Старикъ въ одно ушко къ нему влѣзъ, ѣлъ, пилъ, спалъ, прохладился, умылся, нарядился, и въ другое ушко вылѣзъ такой молодецъ, что не вздумать не сгадать, ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать. «Вотъ», сказалъ, «тебѣ, сынъ дорогой, конь мой удалой, а ты, конь, лошадь добрая, служи ему, какъ мнѣ служилъ!» Только что успѣлъ слово выговорить, захлопали крыльями, запѣли щебетуны деревенскіе, пѣтухи утренніе, свалился колдунъ въ могилу и травка зеленая проросла по ней. Идетъ Иванушка Дурачекъ нога за ногу, пришелъ, растянулся въ переднемъ углу, храпитъ, только стѣны дрожатъ. «Что?» спросили у него братья, а онъ и отвѣчать не сталъ, только рукой махнулъ.

Вотъ и начали они жить, да поживать, старшіе братья съ умомъ, а меньшой съ дурью, живутъ, день за днемъ, какъ баба нитки на клубокъ мотаетъ — день прошелъ, такъ и до нихъ дошелъ. И слышатъ они, въ одинъ день, ѣздятъ по городу воеводы, съ трубачами и съ литаврщиками, съ бубнами и съ котлами, въ трубы трубятъ, въ бубны бьютъ, объявляютъ на базарахъ и на перекресткахъ царскую волю, а воля царская была такая: была у царя Гороха и у царицы Морковки единородная дочь, царевна Бактріана, царству наслѣдница, такая красавица, что какъ на солнышко глянетъ, такъ солнышку стыдно, а на мѣсяцъ посмотритъ, такъ мѣсяцу совѣстно. Сама какъ намалеваная картина — очи соколиныя, брови соболиныя, походка павлиная рѣчь, какъ гусли звончатыя, взглядомъ поглядитъ,

какъ рублемъ подаритъ, а слово молвитъ, такъ на душѣ такъ сладко, словно Мартовскаго меду съ холоду въ жаркой день выпилъ братину. И думали царь съ царицей за кого бы имъ свою дочь въ замужество отдать, чтобы царству былъ правитель, на бою защитникъ, въ царскомъ совѣтѣ судья, царю въ старости помощникъ, а послѣ кончины наслѣдникъ. Искали царь съ царицей, чтобы женихъ былъ удалой молодецъ, богатырь, красавецъ, царевнѣ полюбился и ее полюбилъ. За его любовью дѣло не стало бы, потому, что кто только на царевну взглядывалъ, сердце у него заныvало, ясныя очи мутились, пропадала охота пить и ѣсть, сонъ былъ не въ отраду и сахарный кусочекъ казался горькимъ. Ходилъ тогда добрый молодецъ невеселъ, буйную голову повѣся, съ лица спадалъ, на себя не походилъ, русыя кудри развивались, бѣлыя руки опускались, только во снѣ и на яву твердилъ одно: «Люблю тебя, прекрасная царевна Бактріана! «Такъ бывало съ царями царевичами, королями королевичами, съ сильными богатырями и съ сѣдобородыми мудрецами, да вотъ бѣда: сама царевна никого не любила. Станетъ ей царь отецъ говорить о какомъ нибудь женихѣ, одна рѣчь: «Не любъ!» Начнетъ ли царица мать о комъ нибудь рѣчь закидывать, одинъ отвѣтъ: «Не милъ!» Говорятъ наконецъ царь Горохъ и царица Морковка: Дочь наша милая, дитя умоленое, распрекрасная царевна Бактріана, пора тебѣ выбрать жениха. Смотри-ка, вѣдь у насъ сваты, послы царскіе и королевскіе, пороги обили, весь погребъ выпили, а ты все таки себѣ друга по серд-

цу не выбрала!» Говоритъ имъ царевна: «Государь мой батюшка, царь Горохъ, государыня моя матушка, царица Морковка! что же мнѣ дѣлать, если никто мнѣ по сердцу не приходится — вѣдь сердцу не укажешь. Любовь вольное дѣло, какъ птичка Божія, куда захочетъ, туда и полетитъ, гдѣ захочетъ, тамъ гнѣздо вьетъ. Жалѣю я вашего горя, и хочу я послушать вашей воли, и пусть судьба порѣшитъ, кому быть моимъ суженымъ. Постройте вы теремъ въ тридцать два вѣнца, а въ верху его окно косящетое. Сяду я, царевна, въ теремѣ подъ окномъ, а вы кличъ кликните. Пусть съѣзжаются всякіе люди, цари, короли, царевичи, королевичи, могучіе богатыри и удалые молодцы, и кто вспрыгнетъ на бодромъ конѣ до моего окна, и со мною перстнемъ размѣняется, тому я невѣста, а вамъ онъ сынъ и наслѣдникъ.» Послушались царь съ царицею умной рѣчи. «Хорошо,» говорятъ; велѣли строить теремъ узорочный въ тридцать два вѣнца дубовые, построили его, разукрасили, одѣли Венецейскимъ бархатомъ, съ жемчужными подвѣсами, съ золотыми разводами, и кликнули кличъ, съ голубями вѣсти разослали, ко всѣмъ царямъ пословъ отправили, по всѣмъ землямъ гонцовъ послали, чтобы съѣзжались всѣ въ царство царя Гороха и царицы Морковки; и кто вспрыгнетъ на удаломъ конѣ черезъ тридцать два вѣнца дубовые, и съ царевной Бактріаной перстнемъ размѣняется, тому она невѣста, а царство за ней приданое, будетъ ли царь, король, царевичъ, королевичъ, или хоть вольный казакъ съ богатырской ухваткой, а ни роду у него, ни племени.

Вотъ и всполошились вездѣ народы; говорятъ, тол-

куютъ, въ курантахъ Гамбургскихъ пишутъ, идутъ-ѣдутъ видимо невидимо, въ городѣ квартиръ недостаетъ, пекари хлѣба не напекутся, на заставахъ писари пашпорты прописывать не успѣваютъ, а почтовыхъ лошадей по дорогамъ не добьешься, хоть смотрителю въ трое на водку давай—такой разгаръ — словно обозы къ Макарью тянутся, дуга на дугѣ! Объявили день, повалилъ народъ на луга, гдѣ построенъ царевнинъ теремъ, какъ будто звѣздами унизанъ, а сама она

подъ окномъ сидитъ жемчугами, изукрашена, въ бархатѣ, въ парчѣ, въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ. Шумитъ,

гудитъ толпа народная, какъ море-окіянъ. Царь съ царицей на своемъ престолѣ сидятъ, а вокругъ нихъ вельможество, боярство, воеводство, богатырство. И ѣздятъ, гарцуютъ, рыщутъ, свищутъ женихи царевны Бактріаны. Иной пріѣхалъ изъ царства Китайскаго, другой изъ королевства Гишпанскаго, третій изъ земли Маговъ премудрыхъ, ѣздятъ, гарцуютъ, а какъ взглянутъ на теремъ, душа замретъ. Пытались молодцы, разъѣдется, разскачется, прыгнетъ, да и о землю, какъ овсяный снопъ, народу на посмѣшище.

Въ тѣ поры, какъ съѣзжались попробовать удали женихи царевны, и братья Иванушки Дурачка вздумали идти посмотрѣть что тамъ дѣлается. Собираются, а Иванушка Дурачекъ говоритъ: «Возьмите и меня съ собою!» Ну, дуракъ, отвѣчали ему братья, сиди дома, да куръ стереги! Куда тебѣ! «Вѣстимо,» сказалъ онъ, пошелъ въ курятникъ и залегъ тамъ. А какъ ушли его братья, побрелъ Иванушка Дурачекъ въ чистое поле, на широкое раздолье, крикнулъ молодецкимъ голосомъ, свиснулъ богатырскимъ посвистомъ: «Гей ты, Сивка бурка, вѣщій каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!» И вотъ конь удалый бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ очей пламя пышитъ, изъ ушей дымъ столбомъ. Молвилъ онъ человѣческимъ языкомъ: «На что я тебѣ надобенъ?» Иванушка Дурачекъ въ одно ушко влѣзъ, умылся, причесался, наѣлся, напился, а въ другое ушко вылѣзъ такой молодецъ, что и въ книгахъ не писано, а не только въ очью не видано. И сѣлъ онъ на своего добраго коня, билъ его по крутымъ ребрамъ плеткою шелка Шамаханскаго; и конь его разъяряется, отъ земли по-

дымается, выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго, большія рѣки вплавь плыветъ, малыя хвостомъ застилаетъ, между ногъ горы пропускаетъ. Прискакалъ Иванушка Дурачекъ къ терему царевны Бактріаны, взвился яснымъ соколомъ, черезъ тридцать вѣнцовъ перескочилъ, только двухъ недосталъ, и умчался вихремъ пролетнымъ. Народъ шумитъ: «Лови! Держи!» Царь вскочилъ, царица ахнула, народъ дивуется.

Воротились братья Иванушки Дурачка, и между собой разговариваютъ: «Ужь былъ молодецъ — только двухъ вѣнцовъ недосталъ!» — Братья! да вѣдь это я былъ! говоритъ имъ Иванушка Дурачекъ. «Молчи, ты, дурацкая рожа! тебѣ ль быть—лежи на печи, да ѣшь калачи!»

На другой день опять собираются братья Иванушки Дурачка на царскую потѣху, а Иванушка Дурачекъ молвилъ имъ: «Возьмите и меня съ собою!» Ну, дуракъ, отвѣчали ему братья, сиди дома, да воробьевъ съ гороху гоняй, вмѣсто чучелы! Куда тебѣ! «И то дѣло!» сказалъ онъ, пошелъ въ горохъ, засѣлъ, да воробьевъ гоняетъ. И какъ ушли его братья, поплелся Иванушка Дурачекъ въ чистое поле, на широкое раздолье, гаркнулъ молодецкимъ голосомъ, зашипѣлъ богатырскимъ посвистомъ: «Гей ты, Сивка бурка, вѣщій каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!» И вотъ конь удалый бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ подъ копытъ искры сыплютъ, въ очахъ огонь горитъ, изъ ушей клубомъ дымъ валитъ. Сказалъ онъ человѣческой рѣчью: «На что тебѣ я надобенъ?» Иванушка Дурачекъ въ одно ушко коню влѣзъ, охорошился, ощепетился, поѣлъ, попилъ, а въ другое ушко

BLANADET

вылѣзъ такой молодецъ, что и въ сказкахъ не слыхано, а не только на яву не видано. И сѣлъ онъ на своего храбраго коня, билъ его по желѣзнымъ ребрамъ плеткою Черкасскою. И конь его разъяряется, отъ земли подымается, выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго; разъ скокнетъ — верста старомѣрная, другой скокнетъ, черезъ рѣку махнетъ, а въ третій скакнулъ, былъ у терема, взлетѣлъ, какъ орелъ по поднебесью, тридцать одинъ вѣнецъ перескочилъ, только одного вѣнца недосталъ, и улетѣлъ вѣтромъ перелетнымъ. Народъ кричитъ: »Лови! Держи!» Царь вскочилъ, царица ахнула; князья и бояре рты разинули.

Воротились братья Иванушки Дурачка, и начали между собой разговаривать. «Ну ужь сегодня былъ молодецъ, лучше вчерашняго — только одного вѣнца недосталъ!» — «Братья! да вѣдь это былъ я!» говоритъ имъ Иванушка Дурачекъ. «Молчи ты, немытая образина! Тебѣ ли быть—лежи за печью, не суйся съ рѣчью!»

На третій день опять собираются братья Иванушки

Дурачка на великое позорище, а Иванушка Дурачекъ сказалъ имъ: «Возьмите и меня съ собою!» — Ну, дуракъ, отвѣчали ему братья — сиди дома, да свиньямъ кормъ въ корытѣ размѣшивай! Куда тебѣ!» — «Пожалуй!» сказалъ онъ, вышелъ на заднiй дворъ, началъ свиней кормить, да съ ними вмѣстѣ хрюкаетъ. И какъ ушли его братья, потащился Иванушка Дурачекъ въ чистое поле, на широкое раздолье, возопилъ молодецкимъ голосомъ, залился богатырскимъ посвистомъ: «Гей, ты, Сивка бурка, вѣщiй каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!» И вотъ конь удалый бѣжитъ, земля дрожитъ, гдѣ ступитъ, ключъ изъ земли бьетъ, гдѣ копытомъ ударитъ, тамъ озеро выступаетъ, изъ очей огонь пышетъ, изъ ушей дымъ облакомъ разстилается. Провѣщалъ онъ человѣчьимъ голосомъ:» На что тебѣ я надобенъ?» Иванушка Дурачекъ въ одно ушко коню влѣзъ, въ другое вылѣзъ, молодецъ такой, что красной дѣвушки во снѣ не пригрезится, и сто мудрецовъ думай сто лѣтъ, такъ не выдумаютъ. Ударилъ онъ коня по хребту, подтянулъ узду, сѣлъ въ сѣдло, да какъ пустится, такъ вѣтру перелетному не долетѣть за нимъ, а ласточкѣ косаточкѣ и спорить нечего. Летитъ онъ тучей небесною, гремитъ его кольчуга серебряная, русыя кудри по вѣтру вьются, прилетѣлъ передъ царевнинъ теремъ, ударилъ коня по ребрамъ, взыгрался конь его, будто лютый звѣрь, перепрыгнулъ тридцать два вѣнца. Схватилъ Иванушка Дурачекъ царевну Бактрiану руками богатырскими, поцѣловалъ въ уста сахарныя, обмѣнялся съ ней

Whitehead.sc

кольцами, и бурею понесся по лугу, топчетъ встрѣчнаго, поперечнаго. Успѣла только царевна влѣпить ему въ лобъ звѣзду алмазную — и слѣдъ простылъ богатыря могучаго. Народъ шумитъ: «Лови! Держи!» Царь Горохъ вскочилъ, царица Морковка ахнула, а совтѣники царскіе размахнули руками врозь и слова не вымолвятъ.

Воротились братья Иванушки Дурачка, и начали судить и рядить: «Ну, ужь сегодня былъ молодецъ, лучше всѣхъ, женихъ нашей царевнѣ, да кто такой?— «Братья! да вѣдь это былъ я!» говоритъ имъ Иванушка Дурачекъ. «Молчи, ты, нечесаная обрзаппа! тебѣ ли быть — лежи на печи за горшками, ѣшь пироги съ грибами , а языкъ держи за зубами! Услышитъ какой нибудь ярыжка, да на ратушу сведетъ!»

Иванушка Дурачекъ замолчалъ, будто не его дѣло, а между тѣмъ весь городъ говоромъ-говоритъ о томъ, кто такой былъ тотъ удалый богатырь, что черезъ тридцать два вѣнца перескочилъ, и съ царевной Бактріаной перстнями обмѣнялся. Судьи забыли дѣла судить, дьяки взятокъ не берутъ, купцы лавки заперли, а цѣловальники сожалѣютъ что въ кабакахъ у нихъ пьяницы вина не пьютъ, а всѣ толкуютъ о женихѣ царевны Бактріаны. «Что-же, возлюбленная дочь,» говоритъ ей царь, «вотъ теперь у тебя есть женихъ, да гдѣ намъ искать его? Выбирай другаго!» — Нѣтъ, государь батюшка, отвѣчала царевна — одно солнце, одинъ будетъ у меня сердечный другъ; велите его отыскивать, а другаго жениха мнѣ не надобно!» Дѣлать было нечего. Велѣлъ царь Горохъ городъ окружить крѣпкою стражею , впускать

каждаго, не выпускать никого, и подъ смертною казнью объявилъ, чтобы всѣ отъ стараго до малаго шли къ его царскимъ хоромамъ и показывали лобъ, не найдется ли у кого во лбу алмазная звѣзда, которую влѣпила жениху своему царевна. Съ утра, съ позаранку толпится народъ. У каждаго лобъ осматриваютъ — нѣтъ, какъ нѣтъ звѣзды. Ужь и къ обѣду дѣло, а въ царскихъ хоромахъ и стола не накрываютъ. Царь ходитъ нахмурившись, царица охаетъ, а царевна сидитъ подъ окномъ подгорюнясь, смотритъ на народъ, глядитъ, не увидитъ ли жениха своего съ алмазною звѣздою, да нѣтъ, какъ нѣтъ его! Вотъ по указу царскому пошли показать лбы свои братья Иванушки Дурачка, и говоритъ онъ: «Возьмите и меня съ собой!»—Ну, отвѣчали братья—сиди въ углу, да мухъ гоняй! куда дураку! Видишь ты лобъ-то тряпицами завязалъ, аль расколотилъ его? — Да, отвѣчалъ Иванушка Дурачекъ — вчера, какъ вы ушли, а я пошелъ, не разглядѣлъ, ударился лбомъ о двери—дверь-то уцѣлѣла, а на лбу у меня шишка вскочила.—Вотъ какъ ушли братья, говоритъ Иванушка Дурачокъ печкѣ: «Слушай ты, печка, стань на курьи ножки и ступай за мной!» Печка его послушалась, стала на курьи ножки и пошла за нимъ. Пришелъ Иванушка Дурачокъ передъ то окошко косящатое, гдѣ сидитъ царевна пригорюнясь, началъ блины печь, и раздаетъ блины каждому, вмѣсто денегъ по щелчку за блинъ. Увидѣли его царскіе ярыжки, говорятъ: «Что ты лобъ завязалъ? Покажи, нѣтъ ли у тебя во лбу звѣзды!» Иванушка Дурачекъ имъ не дается смотрѣть, отнѣкивается. Начали ярыжки шумѣть, услышала царевна,

велѣла позвать къ себѣ Иванушку Дурачка, сняла тряпицу со лба у него—анъ звѣзда у него во лбу. Взяла она Иванушку Дурачка за руку, повела его къ царю Гороху и говоритъ: «Вотъ, государь батюшка, мнѣ

женихъ суженый, а тебѣ зять и наслѣдникъ!» Дѣлать было нечего — велѣлъ царь пиръ готовить, об-

вѣнчали Иванушку Дурачка съ царевной, три дня пили, ѣли, прохлаждались, всяческими забавами забавлялись; народу поставили жареныхъ быковъ, да бочки съ виномъ и чаны съ пивомъ. Собрали нищихъ и накормили, царь пожаловалъ братьевъ Иванушки Дурачка въ воеводы, далъ имъ по деревнѣ, да по большому дому.

Скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Братья Иванушки Дурачка были умные, а какъ стали богаты, не диво, что всѣ умъ ихъ узнали. И какъ стали братья Иванушки Дурачка людьми большими, начали они гордиться и хвастаться, мѣлкую челядь и во дворъ къ себѣ не пускали, да и старые воеводы и бояра, когда приходили къ нимъ, на крыльцѣ шапки снимали. И такое поведеніе братьевъ Иванушки Дурачка многихъ огорчало. Пришли къ царю Гороху бояре, говорятъ: «Царь Государь! похваляются братья твоего зятя, будто знаютъ они, гдѣ растетъ яблонь съ серебряными листьями, съ золотыми яблоками, и хотятъ тебѣ ту яблонь добыть.» Призвалъ къ себѣ царь братьевъ Иванушки Дурачка, сказалъ, чтобы они добыли яблонь съ серебряными листьями, съ золотыми яблоками, и какъ они ни отговаривались, но принуждены были ѣхать. Велѣлъ имъ царь отпустить на дорогу лошадей изъ царской конюшни, далъ на подъемъ по сту тысячь рублей, и поѣхали они путемъ-дорогою, добывать яблонь съ серебряными листьями, съ золотыми яблоками. А въ тѣ поры поднялся Иванушка Дурачекъ, взялъ лошадь хромую, сѣлъ на нее задомъ на-передъ и поѣхалъ изъ города. Выѣхалъ онъ въ чистое поле, ухватилъ хромую лошадь за хвостъ, кинулъ ее на

поле, говоритъ: «Слетайтесь, сороки, вороны! вотъ вамъ завтракъ!» И кликнулъ себѣ обычнымъ образомъ своего добраго коня, влѣзъ въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, и поѣхалъ на востокъ, туда, гдѣ росла яблонь съ серебряными листьями, съ золотыми яблоками, на серебряныхъ водахъ, на золотыхъ пескахъ, вырвалъ ее съ корнемъ, поѣхалъ назадъ, и не доѣхавши до города царя Гороха, разбилъ шатеръ съ серебряной маковицей, легъ отдыхать. По той дорогѣ ѣдутъ братья его, носы повѣсили, не знаютъ, что сказать царю въ оправданье, и увидѣли шатеръ, а подлѣ него яблонь, разбудили Иванушку Дурачка, стали у него торговать, даютъ три воза серебра. «Яблонь у меня, господа, не продажная, а завѣтная,» сказалъ имъ Иванушка Дурачекъ. «А завѣтъ не великъ: отрѣзать по пальцу у пра-

вой ноги.» Думали братья, думали — была не была! Отрѣзалъ у нихъ Иванушка Дурачекъ по пальцу, отдалъ имъ яблонь, привезли они ее къ царю и разхвастались. «Вотъ,» говорятъ, «Царь, ѣздили мы далеко, много нужды потерпѣли, а твое повелѣнье исполнили.» Возрадовался царь Горохъ, учинилъ пиръ великій, велѣлъ въ бубны бить и въ сурны и въ сопѣли играть, наградилъ братьевъ Иванушки Дурачка, далъ имъ по городу и службу ихъ похвалилъ. Тогда заговорили ему другіе бояра и воеводы: «Не велика служба привезти яблонь съ серебряными листьями, съ золотыми яблоками. Похваляются братья твоего зятя службою больше: съѣздить за Кавказскія горы, и привезти тебѣ свинку золотую щетинку, съ серебряными клыками, съ двѣнадцатью поросятами.» Призвалъ къ себѣ царь Горохъ братьевъ Иванушки Дурачка, говоритъ, чтобы привезли они свинку золотую щетинку, съ серебряными клыками, съ двѣнадцатью поросятами, и какъ они ни отнѣкивались, ослушаться не смѣли. Далъ имъ царь на подъемъ по двѣсти тысячь и по золоченой каретѣ, съ сотнею стремянныхъ и доѣзжачихъ, и поѣ-

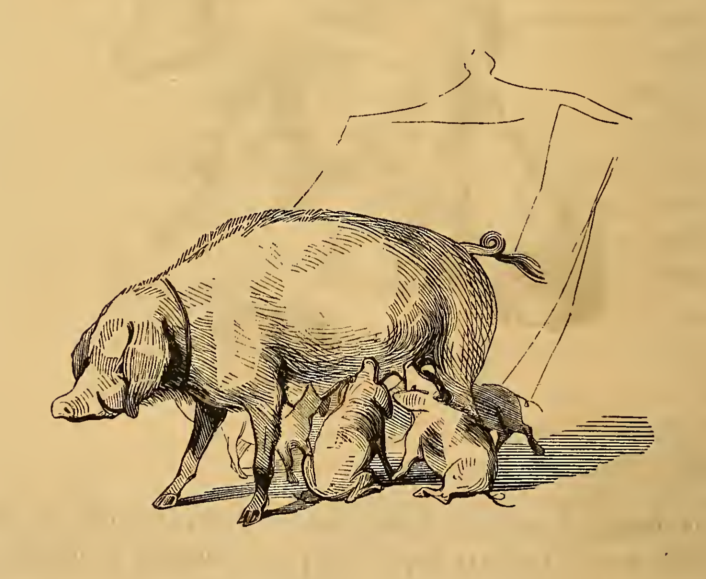

хали они путемъ дорогой, добывать на царскую потѣху свинку золотую щетинку, съ серебряными клыками, съ двѣнадцатью поросятами. А въ тѣ поры поднялся Иванушка Дурачекъ, надѣлъ на корову сѣдло, сѣлъ задомъ

на передъ и поѣхалъ изъ города. Выѣхалъ онъ въ чистое поле, ухватилъ корову за рога, кинулъ ее на поле, говоритъ : «Сбѣгайтесь, сѣрые волки и красныя лисицы! вотъ вамъ на обѣдъ!» И кликнулъ онъ себѣ обыч-

нымъ образомъ своего добраго коня, влѣзъ въ одно ушко, въ другое вылѣзъ, поѣхалъ на южную сторону, за Кавказскія горы, пріѣхалъ въ лѣса дремучіе, гдѣ гуляла на свободѣ свинка золотая щетинка, рыла коренья серебряными клыками, а за нею ходили ея двѣнадцать поросятъ. Накинулъ Иванушка Дурачекъ на свинку шелковый арканъ, забралъ поросятъ въ торока, поѣхалъ назадъ, и не доѣзжая немного до города царя Гороха, разбилъ шатеръ съ золотою маковицей, легъ отдыхать. По той дорогѣ ѣдутъ братья его, не знаютъ, какъ къ царю явиться, когда увидѣли шатеръ, и подлѣ него, привязанную на шелковомъ арканѣ, свинку золотую

щетинку, съ серебряными клыками, съ двѣнадцатью

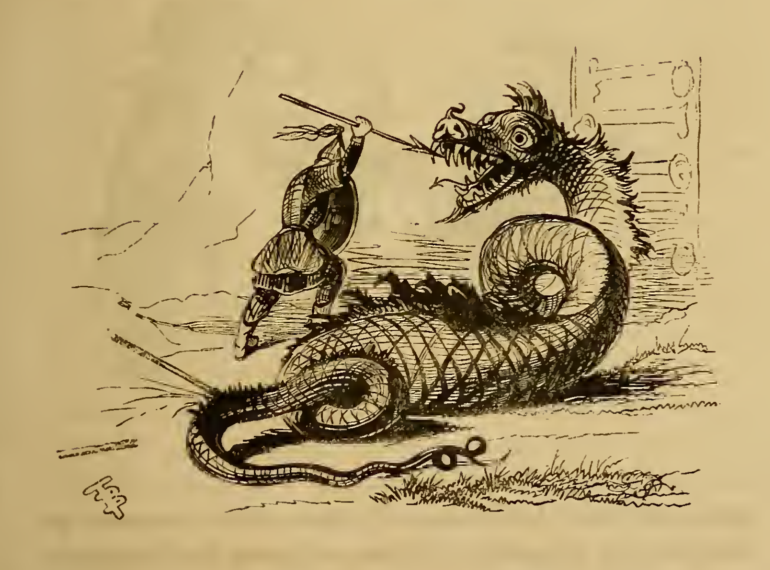
поросятами. Разбудили они Иванушку Дурачка, стали у него торговать, даютъ по три мѣшка каменьевъ самоцвѣтныхъ. «Свинка у меня, господа, не продажная, а завѣтная,» сказалъ имъ Иванушка Дурачекъ. «А завѣтъ не великъ: отрѣзать по пальцу у правой руки.» Погадали, погадали братья — безъ ума люди живутъ, какъ безъ пальцовъ не прожить! Отрѣзалъ у нихъ Иванушка Дурачекъ по пальцу, отдалъ имъ свинку, привезли они ее къ царю, и пуще прежняго разхвастались. «Вотъ,» говорятъ, царь, «ѣздили мы за моря дальнія, лѣса непроходимые, пески сыпучіе, натерпѣлись голоду и холоду, а твое повелѣнье исполнили.» Возрадовался царь такіе слуги вѣрные, затѣялъ Горохъ, что у него пиръ на весь міръ, наградилъ братьевъ Иванушки Дурачка, возвелъ ихъ въ большіе бояре и не нахвалится ихъ службою. Тогда заговорили ему другіе бояре и воеводы: «Не велика, царь, служба, привезть свинку золотую щетинку, съ серебряными клыками, съ двѣнадцатью поросятами. Свинья все таки свинья, хоть и золотая щетина, дуракъ всетаки дуракъ, хоть и на боярскомъ стулѣ сидитъ. А похваляются братья твоего зятя службою больше: добыть тебѣ изъ конюшни змѣя Горынича кобылицу золотогривую съ алмазными копытами.» Призвалъ къ себѣ царь Горохъ братьевъ Иванушки Дурачка, говоритъ, чтобы добыли они ему изъ конюшни змѣя Горинича кобылицу золотогривую съ алмазными копытами. Тутъ шарахнулись братья Иванушки Дурачка, начали клясться и ротиться, что они такихъ словъ не говаривали. царь слушать ничего не хотѣлъ. «Берите,» говоритъ, казны безъ счета, и войска сколько хотите. Приведете

вы мнѣ кобылицу золотогривую, будете первыми по мнѣ, а не приведете — велю васъ казнить злою смертью, на кострѣ сожгу и пепелъ развѣю.» Вотъ и поѣхали добрые молодцы, горе богатыри, плетутся нога за ногу, а куда ѣхать сами не вѣдаютъ. А въ тѣ поры поднялся Иванушка Дурачекъ, сѣлъ на палочку верхомъ, выѣхалъ

въ чистое поле, на широкое раздолье, кликнулъ обычнымъ голосомъ своего добраго коня, влѣзъ въ одно

ущко, въ другое вылѣзъ, поѣхалъ на западную сторону, на великій островъ, гдѣ змѣй Горыничъ стережетъ въ желѣзной конюшнѣ, за семью замками, за семью дверями, кобылицу золотогривую съ алмазными копытами. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, близко ли далеко ли, низко ли высоко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается, и пріѣхалъ Иванушка Дурачекъ на островъ, три дня сражался со змѣемъ, пока убилъ его, три дня сби-

валъ замки и ломалъ двери, вывелъ за гриву кобылицу золотогривую, поѣхалъ обратно, и не доѣзжая нѣсколько верстъ, остановился, разкинулъ шатеръ съ алмазной маковицей и легъ отдыхать. Вотъ по дорогѣ ѣдутъ братья его, не знаютъ, что сказать царю Гороху,

и услышали, что поле дрожитъ—то кобылица золотогривая ржетъ, и въ сумеркахъ свѣтло — то, какъ жаръ горитъ грива ея золотая. Остановились, разбудили Иванушку Дурачка, стали у него кобылицу торговать, даютъ ему по мѣшку каменьевъ самоцвѣтныхъ. «Кобылица у меня, господа, не продажная, а завѣтная,» сказалъ

имъ Иванушка Дурачекъ. «А завѣтъ не великъ—отрѣзать по уху у каждаго. Одинъ-то братъ было и заартачился, а другой говоритъ: «Рѣжь бери — ~~народа~~ стоитъ ушей, а для челобитчиковъ останется у насъ по одному уху, другое ухо дьякъ замѣнитъ!» Тогда и другой братъ не заспорилъ. Отрѣзалъ у нихъ Иванушка Дурачекъ по уху, отдалъ имъ кобылицу; привели они къ царю кобылицу золотогривую съ алмазными копы-

тами, и тутъ-то разфуфырились и разхохлились, лгутъ, хвастаютъ, такъ, что уши трещатъ. «Ѣздили мы,» говорятъ царю, «за тридесять земель, за море-океанъ, дрались со змѣемъ Горынычемъ, и вотъ онъ у насъ уши обкусалъ, и не жалѣли мы на твоей службѣ ни живота, ни имѣнія, кровь рѣкой лили, и на службѣ твоей изувѣчились и обнищали.» Царь Горохъ на радости отмѣрилъ имъ казны безъ счета, мѣрками, сдѣлалъ ихъ первыми по немъ боярами, и затѣялъ такой пиръ, что царская ли кухня не велика, и на той три дня стряпали, а на угощенье царскихъ погребовъ недостало, и на пиру посадилъ царь братьевъ Иванушки Дурачка, одного по правую руку, другаго по лѣвую. И шелъ пиръ горой, въ полсыта гости наѣдались, въ полпьяна гости напивались, шумѣли, что пчелы въ ульѣ, когда увидѣли, входитъ въ палату удалый молодецъ, Иванушка Дурачекъ, въ томъ видѣ, какъ онъ тридцать два вѣнца перескочилъ. И какъ увидѣли его братья, одинъ чуть чарой вина не поперхнулся, а другой чуть кускомъ жаренаго лебедя не подавился — руки раздвинули, глаза выпучили, слова не вымолвятъ. Иванушка Дурачекъ царю тестю своему поклонился, разсказалъ, какъ добывалъ яблонь съ серебряными листьями, съ золотыми яблоками, свинку золотую щетинку, съ двѣнадцатью поросятами, и кобылицу золотогривую съ алмазными копытами, выложилъ и пальцы и уши, за которые купили ихъ у него братья. Тогда возсерчалъ царь Горохъ, ногами затопалъ, велѣлъ братьевъ Иванушки Дурачка метлами выгнать — одного послалъ свиней пасти на скотный дворъ, а другаго индюковъ стеречь на птичій дворъ. Иванушку Дурачка посадилъ онъ подлѣ себя, и сдѣлалъ его набольшимъ

надъ боярами и первымъ надъ воеводами. Долго они пировали на радостяхъ, пока все съѣли и выпили. И началъ Иванушка Дурачекъ царствомъ управлять, и правилъ мудро и грозно, а по смерти тестя заступилъ его мѣсто. Дѣтей у него было много, подданные его любили, сосѣди боялись, а царица Бактріана и въ старости была такая же красавица, какой Иванушка Дурачекъ богатырь. Только — и

СКАЗКѢ КОНЕЦЪ.

Въ скоромъ времени поступитъ въ продажу вторая Сказка, подъ заглавіемъ: Объ Иванѣ Царевичѣ и Царь-Дѣвицѣ, гусляхъ-самогудахъ, скатеркѣ-хлѣбосолкѣ, сапогахъ-самоходахъ и шапкѣ-невидимкѣ. —

THE LIBRARY OF CONGRESS
APR 75
N. MANCHESTER,
INDIANA